

ПОМОЖЕМ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ЗАВИСИМОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ «НЕЗАВИСИМОГО ТЕСТОВОГО КОНТРОЛЯ»

HELP TO GET RID OF DEPENDENCE: THE PROBLEM OF ORGANIZING AND CONDUCTING AN “INDEPENDENT TEST CONTROL”

А.П. Килин

A.P. Kilin

alexey.kilin@urfu.ru

ФГАОУ ВПО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»

г. Екатеринбург

В статье рассматриваются проблемы организации и проведения «независимого тестового контроля» по итогам изучения дисциплин гуманитарного блока; формулируются предложения по совершенствованию данной системы контроля.

Ключевые слова: образование, компетенции, история, тест, контроль, зависимость, технологии, содержание

The article is considered problems of organizing and conducting an “independent control test” on the basis of the study of arts disciplines; there are formulated suggestions for improvement of the control system.

Keywords: education, competence, history, test, control, dependence, technology, content.

Система образования в целом и исторического образования в частности в настоящее время формируется (пытается сформироваться), под воздействием нескольких институциональных факторов. Это экономическая ситуация в стране, положение России на международной арене и поиск государственной идеологии, «русской идеи», которая способствовала бы консолидации как различных направлений политики государства, так и общества в целом.

Одним из стимулов изменения системы образования является дефицит финансовых ресурсов. Они сокращаются и влекут за собой сокращение

социальных расходов, разумеется, не в абсолютных цифрах, а в процентном отношении.

В статье И.С. Огоновской приводятся данные о расходах на образование в Российской империи, РСФСР, СССР и РФ: «1914 – 6,7 %; 1920 – 10,9 %; 1928–1932 гг. – 11,2 %; 1942 – 5,7 %; 1945 – 8,8 %; 1950 – 13,9 %; 1991 – 3,8 %; 1992 – 3,4 %; 2002 – 3,84 %; 2003 – 3,67 %; 2005 – 3,77 %; 2006 – 3,87 %; 2007 – 4,1 %; 2012 – 4,0 %; 2013 – 2,2 %». Как можно заметить, даже в годы Великой Отечественной войны в образование вкладывалось гораздо больше средств, чем в настоящее время¹.

Помимо этой прагматической составляющей, есть и более существенные причины. Сложившаяся система образования в России, сформированная в предшествующий период, неадекватна тому уровню развития экономики, той политической системе, которые у нас сложились сегодня. В условиях «стабильности/застоя» необходимо консервировать сложившуюся социальную структуру. А в ситуации сырьевой экономики, целиком и полностью помещенной в рамки индустриального уклада, необходимо отсеять всех тех, кто в эту схему не вписывается. Отсюда и цель образования – формировать «грамотного работника» и «грамотного потребителя» (по версии бывшего министра образования, а ныне помощника президента РФ Андрея Фурсенко).

Избыток интеллектуалов, получивших высшее (и тем более гуманитарное) образование, системно оценивающих современную ситуацию, может лишь ширить ряды критиков власти. Йозеф Шумпетер говорил об этом: «...Главная причина скорой гибели капитализма лежит не в сфере экономики, а в сфере культурной надстройки, так как в обществе формируется враждебное отношение к предпринимателям со стороны других социальных групп». Вину за это Шумпетер возлагает на радикальных интеллектуалов с их непомерной амбициозностью. Он отмечает, что «одной из характерных особенностей цивилизации позднего капитализма является растущая доступность образования, в том числе высшего. Число высокообразованных людей растет, но адекватного роста рабочих мест, соответствующих их притязаниям, не наблюдается. И тогда большая армия интеллектуалов начинает искать причины своего неудовлетворительного положения в недостатках существующего общественного строя, реализуясь в его яростной критике». Таким образом, по мнению Шумпетера, «формируется среда, непригодная для предпринимательства, и оно исчезнет, а вместе с его исчезновением прекратится социальный и общественный прогресс. Напрашивается парадоксальный вывод, что капитализм отомрет под бременем собственных успехов – высоких темпов экономического развития, приводящего к господству «большого бизнеса» и к доступности образования»².

---

¹ Огоновская И.С. Свободное от бюрократизма образование как фактор консолидации российского общества // Национальная идея в современной России: Материалы научно-практ. пед. конференции, круглого стола «Точка на карте» / под общ. ред. И.С. Огоновской, Н.А. Черных. – Екатеринбург: Издательство АМБ, 2013. С. 121–142.

² Экономические взгляды Й. Шумпетера. Инновационная экономика [Электронный ресурс] / Экономическая теория. – URL: <http://www.econteor.ru/hste/opebr.php?pgh=8xx35> (дата обращения: 18.04.2015)

Рост критических настроений, требования (или подспудные желания) изменений, динамизма и модернизации общества не могут быть реализованы по объективным причинам. Система государственного капитализма и сырьевая экономика с явными (или неявными) феодальными пережитками не склонна к модернизации. «Сколково», нанотехнологии, модернизация и удвоение ВВП (которое произошло, но исключительно в политической плоскости), напоминают камлания и не убеждают в серьезности намерений «шаманов от политики».

Таким образом, стоит задача синхронизировать, привести в соответствие систему образования и сложившуюся экономическую и политическую модель развития. Уроки «арабской весны» усвоены.

В тренде: менеджерский, а не профессиональный принцип управления системой образования; ужесточение контроля над учебными заведениями, лишение университетов автономии; повсеместное сокращение образовательных учреждений (примечательно, что начали с казенных, а не частных) путем слияния или ликвидации; трансформация программ в направлении сокращения лекционной нагрузки, акцент на самообучение и контроль (как преподавателей, так и студентов, причем контроль максимально формализованный); выработка «умственных рефлексов», алгоритмов принятия решений взамен системы мышления, повсеместное внедрение Единого государственного экзамена (ЕГЭ), тестирование; отказ от общедоступности образования (особенно высшего, частично – среднего); отказ от светского характера образования, нивелирование мировоззренческой составляющей в деятельности образовательных учреждений; дискредитация интеллектуалов в виде пропагандистских компаний, направленных на борьбу с «сетевыми хомячками», «преподавателями-взяточниками» или «липовые диссертации» (отметим, что чрезмерное увлечение Интернетом, взятки и липовые диссертации – это реальность, но в данном случае это чаще повод, чем реальная причина для критики). Складывается впечатление, что о взяточничестве больше всего говорят те, кто имеет к этому самое непосредственное отношения. К сожалению или к счастью, не могу считать себя специалистом в данной сфере.

Формализация и бюрократизация системы образования происходят на уровне как высшей, так и средней школы. По мнению И.С. Огоновской, автора ряда учебников для средней школы и преподавателя Специализированного учебно-научного центра УрФУ, «следствием бюрократизации является автократизация самой школы, что выражается в неограниченном и бесконтрольном полновластии ее руководителей; формировании элиты образовательных учреждений в лице многочисленных «замов» (со всеми вытекающими последствиями: доступом к привилегиям, финансам, общественным фондам, субъективному распределению педагогической нагрузки); в формировании приказной системы, при которой любое неподчинение со стороны педагога чревато самыми жесткими мерами и последствиями. Администрация многих образовательных учреждений, пополнившая слой российской бюрократии, относительно закрытая и защищенная, все более ощущает себя самодостаточной и уверенной в истинности собственных этических норм и правил поведения, которые зачастую не

соответствуют общепринятым моральным нормам и ценностям». Напоминаем, что речь идет о средней школе, но эта картина знакома и преподавателям школы высшей. Когда реформирование системы начинают с контроля, это свидетельствует о достаточно низком уровне доверия в организации. Системы с избыточной функцией контроля неконкурентоспособны, т. к. проигрывают соперникам за счет больших издержек.

Особо И.С. Огоновская отмечает процесс формализации обучения. «Бюрократизация тесным образом связана с формализацией, которую можно определить как формализм, приобретший константу и превратившийся при этом в бесконечный процесс. Первое проявление формализации – нацеленность на конечный формализованный результат образования, оформленный в рамках Государственной итоговой аттестации (ГИА) и ЕГЭ. Система образования, по сути, унифицировала единственную шкалу оценки, по результатам которой стали оценивать учащихся. Эта же шкала стала мерилom деятельности педагогов, управленцев сферы образования и даже губернаторов. Вполне понятно, что чиновники и школа начали приспосабливаться под инструмент ЕГЭ: направлять образовательный процесс в русло «натаскивания» на типовые задачи формата ЕГЭ, подгонять под этот формат олимпиадные задания разных уровней, искать пути возможных фальсификаций результатов, нарушать узаконенные процедуры и т. д. Сама система обучения начала разваливаться, «подвисла» в воздухе декларация о личностном развитии обучающихся, которые отвергают нешаблонные, творческие задания, не соответствующие типу ЕГЭ. Формализованное предъявление результатов обучения повлекло за собой формальное отношение к самому процессу обучения. В целом же, по нашему мнению, ЕГЭ позволяет бюрократической системе «штамповать» людей, «натасканных» на определенный алгоритм действий, наученных подчинению и послушным существующей системе. Помимо этого, ЕГЭ – попытка чиновников от образования поставить педагогов под формальный контроль, позволяющий делать вывод об их пригодности или непригодности. Между тем творчески мыслящие учащиеся как раз менее успешны на экзаменах в формате ЕГЭ. Проявлением процесса формализации, на наш взгляд, являются старания по созданию «единого» учебника истории, подогнанного под формат ЕГЭ, а также феномен ученического и педагогического портфолио»¹. Многие преподаватели высшей школы в рамках собственных курсов ощущают на себе негативный эффект ЕГЭ. Поэтому возникает вопрос, стоит ли его переносить на вузовское образование?

Несколько слов о месте России в современном мире. Несмотря на то что глобализация описывается как закономерный и неизбежный процесс, она представляется в большинстве случаев в негативном контексте, а история России – в охранительном духе. По нашему мнению, именно это обстоятельство делает понятным выбор в пользу культурно-антропологического (отчасти

---

¹ Огоновская И.С. Указ. соч. Свободное от бюрократизма образование как фактор консолидации российского общества / Национальная идея в современной России: Материалы научно-практ. пед. конференции, круглого стола «Точка на карте» / под общ. ред. И.С. Огоновской, Н.А. Черных. – Екатеринбург : Издательство АМБ, 2013. С. 121–142.

цивилизационного) подхода при разработке единого учебника истории, а не модернизационного как более универсального.

С другой стороны, статус Великой державы предполагает демонстрацию лидерства не только в военной, но и в образовательной сфере. Правительство реализует проект «5–100», цель которого – максимизация конкурентной позиции группы ведущих российских университетов на глобальном рынке образовательных услуг и исследовательских программ, в рамках проекта пять ведущих российских университетов должны войти в сотню ведущих вузов мира¹. Как мы знаем, УрФУ участвует в данной программе.

Сама идея двухуровневого образования (бакалавр и магистр) была заимствована из зарубежного опыта, а «Болонский процесс» являлся не только объектом теоретических исследований, но и программой действия для российских вузов. Несмотря на то что «Россия не Европа» и присоединение к Европейскому союзу в ближайшие сто лет не планируется, эти программы не утратили своей актуальности.

Если на идеологическом уровне глобализация пробуксовывает, то в технологическом плане и в рамках концепции «информационного общества» она идет полным ходом. Идеи модернизации российской экономики неразрывно связаны с идеей о лидирующей позиции страны в глобальном разделении труда. Информационные технологии активно внедряются в систему образования под напором сети интернет, во многом стихийно, включаясь в повседневную практику как студентов, так и преподавателей. С другой стороны, программы информатизации, принятые государством, реализация концепции электронного правительства способствуют формированию среды электронного образования. Это направление зачастую рассматривается в рамках повышения эффективности образования, в контексте экономических реалий, видится администраторам как возможность оптимизировать образовательный процесс, сократить лекционную нагрузку, расширить дистанционное образование, снизить расходы.

Таким образом, внедрение современных технологий в процесс обучения, по нашему мнению, имеет в своей основе не фундаментальный, идеологический базис, когда совершенствование системы образования с необходимостью диктует применение новых методов, а скорее наоборот. Технологии довлеют над содержанием, внедряются порой ради внешнего эффекта, способствуют не прогрессу, а деградации образовательного процесса.

Обращаясь непосредственно к объекту нашего внимания «независимому тестовому контролю» (НТК), следует отметить следующее.

В процессе обучения контроль является не исходным, а заключительным процессом, либо процедурой, сопровождающей процесс (в случае текущего контроля). Он не может и не должен предопределять само содержание обучения, как по форме, так и по содержанию. Как ЕГЭ деформировал процесс обучения в средней школе, так и тесты в высшей школе могут сыграть аналогичную роль.

---

¹5–100. Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки РФ. URL: <http://Stop100.ru/> (дата обращения: 18.04.2015).

Их повсеместное внедрение может оказать обратный эффект, прямо противоположный декларируемым целям.

Цели НТК: повышение качества обучения, обеспечение объективности в оценке учебных достижений студентов; получение объективной стандартизированной оценки уровня учебных достижений студентов, независимо от лиц и подразделений, ведущих процесс обучения по дисциплинам¹.

На наш взгляд, НТК не позволяет ни повысить качество обучения, ни обеспечить объективность в оценке. Претензии, высказанные в адрес ЕГЭ, можно в полной мере адресовать и НТК. Суть проблем, которые вызывает НТК, необходимо рассматривать в различных направлениях.

Существенное различие в процессе подготовки кадров совершенно точно проявилось после поглощения Уральским государственным техническим университетом (УГТУ–УПИ) Уральского государственного университета (УрГУ) в рамках Уральского федерального университета (УрФУ). Если в УПИ обучение рассматривалось как процесс технологический (на одной из аналогичных конференций прозвучал тезис о том, что конечным продуктом образовательного процесса является молодой специалист), то УрГУ пытались дистанцироваться от столь механистической трактовки. Как вариант – рассматривая процесс обучения только как образовательную услугу, которая позволяет расширить нашему выпускнику горизонты выбора будущей профессии. Мы не создали этого человека (за это спасибо родителям), мы лишь его обучили. В другом, более оптимистическом варианте, полагали, что образование должно способствовать наиболее полному раскрытию потенциала личности, это требовало индивидуального подхода и высокой степени доверия между педагогом и студентом. Как известно, размер имеет значение, и в более компактном, по-домашнему уютном вузе, такой подход к образованию был не только востребован, но и реализован.

Собственный опыт проведения лекционных и практических занятий, организации и проведения отчетных мероприятий как в устной, так и в письменной форме, в т. ч. в виде тестов, показал, что нет универсального метода. Форма и содержание занятий и отчетных мероприятий варьируется в зависимости от целого ряда обстоятельств: от уровня базовой подготовки группы или отдельных студентов; от количества праздничных дней в семестре; от частоты посещений университета депутатами Госдумы, особенно в период проведения избирательных кампаний; был случай, когда вся группа отсутствовала четыре недели, т. к. студенты работали в Управлении Федеральной миграционной службы над оформлением документов беженцам. Эти обстоятельства демонстрируют необходимость соотносить независимость и объективность системы контроля с независимостью системы обучения, с ее приоритетом над иными формами занятости студентов.

---

¹ Положение о проведении промежуточной аттестации в форме независимого тестового контроля. Утв. приказом ректора №447/03 от 27.06.2014 [Электронный ресурс] / Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н.Ельцина. Официальный сайт. – URL: http://urfu.ru/fileadmin/user_upload/urfu.ru/documents/independance_control/Polozhenie_NTK.pdf (дата обращения: 18.04.2015).

Тестовый контроль может являться лишь одним из вариантов, в том случае если преподаватель признает эту форму более эффективной. Положения статьи 44 Конституции РФ, по нашему мнению, в полной мере относится к выбору преподавателем как методов организации лекции и семинаров, так и формы проведения отчетности, т. к. является (должен являться) творческим процессом. Статья 44 гласит: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания».

Необходимо отметить еще одну важную функцию гуманитарного знания – коммуникативную. Отсутствие элементарных коммуникативных навыков в современном российском обществе провоцирует непонимание, агрессию, конфликты. Необходимо уметь говорить и писать на родном языке. Эти навыки не будут лишними и для студентов тех институтов и департаментов Федерального университета, которые выбрали технические специальности. «Самая большая роскошь на Земле – это роскошь человеческого общения», – так считал Антуан де Сент-Экзюпери, и с ним солидарны преподаватели истории. Фактор общения нельзя ни в коем случае исключать из процесса обучения, и необходимо выделять на это соответствующее время в учебных планах.

Упрощение, примитивизация мыслительного процесса и оскорбление коммуникативных навыков демонстрирует следующий конкретный пример. На экзамене студентка высказывает претензию относительно формы вопросов:

- Вы задаете слишком сложные вопросы.
- А как вопросы задают вам другие преподаватели?
- Они формулируют вопросы так, чтобы я могла на них ответить либо «да», либо «нет».

По сути, тестовая форма переносится и на устный ответ.

Специалистами отмечается, что поиск одного-единственного верного варианта, с одной стороны, происходит на интуитивном, порой неосмысленном уровне, с другой стороны, вызывает стресс. Программирование молодого человека или девушки на поиск одного единственно верного ответа может сослужить плохую службу при разрешении конкретных жизненных проблем, затруднит межличностное общение. Есть версии того, что в особо острых, критических ситуациях эта «программа» сдает сбой и приводит человека к мысли о суициде.

Мир разнообразен, он состоит из полутонов, намного более чем из пятидесяти оттенков серого. Анализ, сравнение, сопоставление этого многообразия и составляет сущность процесса познания, особенно в гуманитарной сфере. Именно поэтому тесты не могут быть единственным методом оценивания. Намного важнее цепь рассуждений, мотивы, по которым человек пришел к выбору того или иного варианта ответа. Именно поэтому в моей практике тесты всегда сопровождаются собеседованием по итогам тестирования. И для преподавателя, и для студента необходимо разобрать те вопросы, которые вызвали наибольшие затруднения, ответы на которые содержат ошибки или неточности. Очевиден тот факт, что любой тест как

процесс сжатия информации упрощает, порой примитивизирует ситуацию, поэтому собеседование необходимо для развертывания его, прояснения смысла.

Тесты, если их использование признается целесообразным, должны содержать различные формы вопросов: как закрытые, так и открытые, предполагающие анализ табличных данных и образов, содержащие анализ карт и схем. Разработчики ЕГЭ существенно продвинулись в этом направлении, о чем свидетельствуют части 2 и 3 (В и С). Было бы странно предлагать студентам Федерального университета тесты более примитивные, чем они решали в средней школе. Разумеется, проверка таких работ требует усилий профессионала, а не оператора ЭВМ, но кто вам сказал, что это не объективная оценка знаний. Ведь в этом случае проверяются различные способы снятия и анализа информации, развивается образное мышление, стремление к поиску альтернатив, критическое и аналитическое мышление, наконец.

Еще один организационный аспект, вполне понятный представителям технических и естественнонаучных направлений подготовки: если при анализе вы замеряете показатели системы после воздействия на нее, то для определения характера изменений вам необходимо первоначально сделать замер исходных данных. Если есть показатели на выходе, то они сопоставляются с показателями на входе. История методом тестирования принимается у студентов, в учебных планах которых она относится к разделу, ориентированному на выработку общекультурных компетенций, она не является профильным предметом. Как следует из опыта, время на эту дисциплину выделялось в школе по остаточному принципу, т. к. не предполагалась сдача ЕГЭ. Как результат – преподаватель совершенно не в курсе, с каким уровнем подготовки он имеет дело. Поэтому входной контроль просто необходим, причем не только при сдаче отчетности в виде теста, но и в рамках всей балльно-рейтинговой системы, поскольку в итоге мы оцениваем знания студентов в абсолютных цифрах. Если учесть, что результаты тестирования косвенно свидетельствуют о качестве преподавания и предусмотрено поощрение преподавателей, то входной контроль приобретает особую актуальность. Предположим, группа студентов на входном контроле показала средний балл 50, а в рамках НТК – 70. Преподаватель молодец, т. к. группа получила оценку «хорошо», а прирост составил 20 баллов. Но если на входном контроле были данные в 10 баллов, а на итоговом – 40, то средний балл равен оценке «удовлетворительно», хотя вклад преподавателя был более значителен и составил 30 баллов. В рамках такой системы можно оценить, пусть и весьма условно, тот объем приращения знаний, которые демонстрируют студенты, отчасти благодаря преподавателю. В противном случае ни о каком объективном оценивании речи идти не может. Вероятна ситуация при которой на входе и выходе соотношение будет 40 и 20, т. е. преподаватель вольно или невольно способствовал деградации знаний студентов.

Проблема объективности возникает и в том случае, когда речь идет о тех данных, которые вводятся в систему. В данном случае – предоставляются учащимся. Унифицированные итоговые тесты имеют смысл лишь в том случае, если все учебные пособия, программы и качество лекций будут унифицированы как по форме, так и по содержанию. Эту проблему обнажила практика

проведения ЕГЭ по истории в школах. Несмотря на разнообразие учебников и учебных пособий, преподаватели вынуждены ориентироваться на вопросы ЕГЭ, порой лишь механически решая их раз за разом, при этом сама история выхолащивается, сводится к запоминанию имен и дат, вызывает отторжение даже у учеников профильных гуманитарных классов. Как ни странно, но большая свобода действий для учителя открывается в непрофильных классах, которым ЕГЭ «не светит». Это парадоксальная, но не внушающая оптимизм ситуация переносится на систему вузовского преподавания.

На наш взгляд, история содержит огромный потенциал, который не востребован до сих пор. Интеграция исторического знания с дисциплинами информационного блока позволила бы актуализировать этот материал в глазах студентов технических и естественно-научных специальностей. Один из способов – это введение в курс отечественной истории разделов, посвященных истории отрасли производства или отрасли знаний (металлургии, радиотехники и т. п.). Пример такого рода актуализации блестяще демонстрируют преподаватели истории бывшего Уральского политехнического института. Таким образом, тест по истории на металлургическом и радиотехническом факультете должен отличаться и включать в себя «отраслевой» компонент.

Процессы глобализации и все явственнее проступающие черты информационного общества нельзя игнорировать, тем более в вузе, который претендует на место в сотне лучших научно-образовательных центров. На наш взгляд, история как дисциплина имеет огромный интеграционный потенциал, если ее рассматривать не только как науку о прошлом, не только как науку о «человеке во времени и пространстве», но и как дисциплину, формирующую навыки работы с информацией, представленной в самых разных формах и видах. Информационно-аналитическая деятельность на исторических материалах дает большие возможности для формирования таких навыков и умений, которые будут не только способствовать адаптации и социализации личности, но и обеспечивать ее развитие на качественно новом уровне в условиях информационного общества. Анализ исторических источников позволяет понять закономерности в формировании текстов, размещенных в виртуальном пространстве сети интернет; информационный поиск, отточенный на традиционных носителях информации, позволит оптимизировать информационный поиск в сети; формирование информационной культуры и выработка критериев качественной оценки информации позволят ориентироваться в информационном массиве, отделяя «информационный мусор» от заслуживающих доверия источников информации; повысит степень ответственности за свои слова в письменной и устной форме. В данном случае речь идет не столько о модернизации исторического прошлого, сколько о модернизации и универсализации методов исторического исследования, отработка которых может начинаться с самого раннего возраста и продолжаться на протяжении всей жизни человека. Акцент на методах исследования, на наш взгляд, отчасти позволит решить проблему переизбытка информации, которая называется одной из основных в рамках преподавания истории в средней и высшей школе, в особенности на непрофильных направлениях подготовки.

Накопленный фактологический материал можно извлечь при помощи современных информационно-поисковых систем («Гугл/Яндекс – знает все!»), а вот грамотно его анализировать и использовать с большей эффективностью может только человек, обладающий высокой информационной культурой.

Как положительный момент отметим, что этот аспект нашел отражение и в Историко-культурном стандарте. Авторы предлагают рассматривать школьный учебник как навигатор, своего рода интегратор информационных ресурсов. «В условиях развития средств коммуникации, наличия в подавляющем большинстве школ высокоскоростного доступа к сети интернет (обеспечено за счет реализации Приоритетного национального проекта «Образование») роль учебника как «хранилища знаний» приобретает новые черты и особенности. Учебник должен не только давать информацию и предлагать интерпретации, но и побуждать школьников самостоятельно рассуждать, анализировать исторические тексты, делать выводы и т. д. Кроме того, современный учебник должен стимулировать учащихся к получению исторических знаний из других источников, а учитель – способствовать овладению учениками исследовательскими приемами, развитию их критического мышления, обучая анализу текстов, способам поиска и отбора информации, сопоставлению разных точек зрения, различению фактов и их интерпретаций. Немаловажно включить в текст самого учебника исторические источники, раскрывающие суть событий через яркие и запоминающиеся образы. Представляется целесообразным инициировать подготовку тематических модулей для учеников (с соответствующими методическими пособиями для учителей), посвященных различным дискуссионным вопросам истории России» (создан такой модуль по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., по истории Сибири – А.К.). «Изучение материала об основных событиях и личностях отечественной истории необходимо строить на основе широкого привлечения текстов исторических источников и их комментарием. Главная задача на этом уровне – привить школьникам интерес к истории (прежде всего, отечественной). Вместе с тем работа с текстами источников должна заложить основы грамотной работы с ретроспективной информацией, ее анализом и научить ребят самостоятельно делать выводы на основе проанализированной информации. На втором уровне школьного исторического образования (10–11 классы) знания, которые учащиеся получили в основной школе, должны служить основой для аналитического разбора исторического процесса – с общими характеристиками и оценками, включая элементы компаративного анализа в курсе «Россия в мире»»¹.

Какое отношение Историко-культурный стандарт, ориентированный на разработку единого учебника по истории в средней школе, имеет отношение к Федеральному университету? Самое прямое. Университет не может и не должен позволить себе снижать планку и предоставлять образовательные услуги на более низком уровне, чем это делает школа, даже по дисциплинам

---

¹ Общественное обсуждение проекта Историко-культурного стандарта [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки РФ. – URL: <http://минобрнауки.рф/документы/3483> (дата обращения: 18.04.2015).

общеобразовательного блока. Именно поэтому тестирование в том виде, в котором оно предлагается нам сегодня, несомненно, намного совершеннее, чем тесты, разработанные Центром социально-культурной адаптации мигрантов, но уже не вполне соответствуют школьному уровню. Не уверен, что сама система тестирования в том виде, в каком она преподносится нам сегодня, соответствует уровню университетского образования.

В рамках учебного курса «Информационные ресурсы» при составлении резюме студенты департамента «Исторический факультет» отвечают на вопрос, в какой сфере они достигли наибольших успехов, а в какой деградировали за время обучения в университете по сравнению со школой. Среди сфер, в которых наметилась отрицательная динамика, называют знание иностранных языков, естественные и точные науки, спорт и увлечения, на которые остается не так много времени. В идеале университет должен способствовать саморазвитию личности в самых разных направлениях и совершенно точно не должен повторять или преподавать на более примитивном уровне школьные предметы, тем более не создавать атмосферу, способствующую деградации личности. Именно поэтому необходимо начинать обсуждение и совершенствовать, прежде всего, основу – сам процесс преподавания истории, а уже затем сосредоточить свое внимание на механизмах контроля, адекватных системе университетского преподавания истории.